

А.О. ПУТИЛО
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ЖАНРА БАСНИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. ПРУТКОВА

Рассматривается поэтика жанра басня в творчестве К. Пруткина. Исследуются как содержательные аспекты жанра, так и особенности его формы

Ключевые слова: жанровая форма, басня, поэтика, пародия, сатирическая поэзия

В творческом наследии литературной маски К. Пруткина пародируется поэтика широкого пласта стихотворных жанров. Некоторые из них представлены единично, а другие группами произведений, к последним относится жанр басни.

Басни К. Пруткина публиковались на протяжении тридцати лет (1851–1881 гг.), известно 12 произведений данного жанра. Исследователи доподлинно определили даты создания лишь некоторых из них: первая написана в 1851 г. («Незабудки и запятки»), а предположительно самая последняя в 1859 г. («Пастух, молоко и читатель»). Исследователи также отмечают, что первая басня «Незабудки и запятки» повлияла на формирование мотивного комплекса последующих. А.К. Жолковский пишет: «Эта басня (1851) – одно из первых напечатанных произведений Козьмы Пруткина, послужившее стилистическим камертоном для многих последующих, иногда использующих и ее мотивный репертуар» [1]. Он выделяет следующие мотивы: пятки («Пятки некстати. Басня», «Философ в бане»), мозоли («Плоды раздумья», «Фантазия»), незабудки («Плоды раздумья»), читатель («Черепослов, сиречь Френолог»), пук («Фантазия»), Пахомыч + пук незабудок («Предсмертное») [Там же].

Интересно отметить, что басни имеют подобную связь и между собой. Рассматривая басни К. Пруткина как пародийный комплекс, можно выделить ряд характерных черт и сопоставить их со свойствами жанра басни классических образцов.

Базовыми работами по теории жанра стали исследования А.П. Квятковского и А.А. Потебни. Так А.П. Квятковский отмечает следующие особенности жанра басни: сатиричность, небольшой объем, аллегоричность, наличие нравственного вывода или морали, автологический язык [2, с 57].

А.А. Потебня сформировал ряд обязательных для басни свойств, нарушение которых, влечет изменения в поэтике жанра. По мнению исследователя, басня должна состоять из ряда действий, представляющих единство, т.к. все действия являются основой одного сюжета, не содержащего развернутых характеристик лиц, изображений действий или сцен. Действующими лицами басни должны становиться такие герои, которые одним названием уже достаточно определяются для слушателя, читателя, служат готовым понятием. Еще одно свойство А.А. Потебня называет конкретностью или единичностью действия. Его следует понимать как отсутствие в тексте басни таких обобщений как «некоторые люди», «все люди». Обобщения же в широком смысле содержатся в части произведения называемой – нравоучение [5, с. 70 – 76].

Формально произведения К. Пруткина остаются в границах жанра басни, тем не менее, можно найти нарушение практически каждой из жанровых норм. Так есть, как очень краткие по объему басни – «Пастух, молоко и читатель» (4 стиха), так и развернутые, значительно превышающие по объему классические образцы – «Звезда и брюхо» (59 стихов, из которых 22 – мораль).

Произведения К. Пруткина не отличаются средствами выразительности, поэтому требование автологического языка преимущественно выполняются, лишь в одной из басен – «Звезда и брюхо», находим лирическую часть:

*Меж тем ночная тень мрачней кругом легла,
Звезда, прищурившись, глядит за край оконный... [4, с. 33].*

Еще одна особенная языковая черта басен К. Пруtkова это то, что они строятся вокруг каламбура, это отмечалось С.С. Миковой в диссертации «Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни»: «Средства передачи культурной информации басен в период кризиса жанра продолжают играть важную роль в языковом оформлении этих произведений. В пародийных произведениях Козьмы Пруtkова одним из таких средств становится омонимия, основанная на лексических единицах с национально-культурным компонентом. Например, в басне «Стан и Голос» смешиваются два значения слова *стан*: ‘фигура, телосложение’ и ‘административно-полицейский округ из нескольких волостей’. В басне «Звезда и Брюхо» смешиваются омонимы *звезда* – ‘космическое тело’ и ‘орден святого Станислава’, который имел вид звезды. [3, с. 13–14]. В поддержку позиции исследователя отметим, что данный прием характерен для творчества К. Пруtkова в целом, что отмечалось в работах таких известных ученых как Д.А. Жуков, А.К. Жолковский, В.Я. Пропп, А.Е. Смирнов и других.

В творчестве К. Пруtkова наибольшее число произведений басенного жанра содержат нравоучение в конце, одно – вначале перед басней («Стан и голос»):

*Хороший стан, чем голос звучный,
Иметь приятней во сто крат.
Вам это пояснить я рад [4, с. 23].*

А две басни («Разница вкусов», «Пятки некстати»), отклоняются от жанровых норм и содержат нравственный вывод и в начале и в конце, например, в произведении «Разница вкусов»:

*Казалось бы, ну как не знать
Иль не слышать
Старинного присловья
Что спор о вкусах – пустословье?
<...>
Я этой басней пояснил тебе:
С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен – малина,
А мне и бланманже – полынь! [Там же, с. 19]*

Вопрос об аллегоричности и узнаваемости героя касается такого неотъемлемого компонента поэтики жанра басни как сатиричность. Она осложняется, характерным для творчества К. Пруtkова, специфическим пародийным пафосом. В первую очередь искажения поэтики жанра связаны с пародийностью образа литературной маски К. Пруtkова – директора Пробирной Палатки, чиновника XIX в. Басни транслируют бюрократические представления о социально-экономических отношениях. Вместо аллегорических героев, действующими лицами произведений К. Пруtkова становятся: мелкопоместные дворяне, чиновники и дворовые крестьяне, причем отметим, что из двенадцати басен, в семи главными героями становятся представители высших сословий, и еще в двух не содержится прямого указания на социальный статус действующего лица, но по контексту можно предположить, что это дворянство («Разница вкусов», «Пятки некстати»).

В баснях с главными героями дворянами, они не получают негативной оценки или подкрепления сниженным образом. Практически всегда они выступают положительными персонажами, друзьями, как в басне «Звезда и брюхо»: *То мой совет / (Я говорю из дружбы)* [4, с. 33]; или даже выразителями авторского мнения. Так в басне «Чиновник и курица» мораль состоит из двух строф, не содержащих нравственного вывода, здесь указывается, что он уже был дан в тексте произведения:

*Разумный человек коль баснь сию прочтёт,
То, верно, и мораль из оной извлечёт [Там же, с. 29].*

Обращаемся к тексту басни и находим подобие нравственного вывода, это размышление чиновника, сделанное вследствие сравнения себя с курицей:

*Чиновник, курицу узревши этак
Сидящую в лукошке, как в дому,
Ей отвечал: «Тебя увидя,
Завидовать тебе не стану я никак;
Несусь я точно так,
Но двигаюсь вперед; а ты несёшься сидя!» [Там же].*

Несмотря на абсурдность данного сравнения, именно чиновник является резонером автора. Заметим, что в описании внешности чиновника использованы реалистичные, но не грубые характеристики – эвфемизмы: «толстенький, не очень молодой» (ср. *толстый, жирный, старый*), что характеризует не сарказм, а иронию по отношению к герою.

При необходимости назидания герою-дворянину происходит его подмена персонажем низшего сословия. Например, в басне «Цапля и беговые дрожки» действующим лицом является помещик:

*На беговых помещик ехал дрожках,
¶Тетела цапля; он глядел [4, с. 14].*

В морали, где автор критически отзывается о мечтательности, кузнец заменяет помещика:

*Но если ты кузнец и захотел быть барин,
¶То знай, глупец,
¶Что, наконец,
Не только не дадут тебе те длинны ножки,
Но даже отберут коротенькие дрожки [Там же].*

Эта же басня является ключевой для понимания социально-экономических взглядов чиновничества, которое является объектом пародирования в образе К. Пруткова, для него социальный статус равен антропологическому и этнографическому определению народности:

*Коль ты татарин рождён, так будь татарин;
¶Коль мещанином — мещанин,
¶А дворянином — дворянин [Там же].*

В морали басни утверждается получение социального статуса при рождении, передача его по наследству и невозможность не только вертикального социального роста, но и преступности самой мечты об этом.

В творчестве К. Пруткова постоянно подчеркивается значимость социального статуса. В басне «Стан и голос» не обладающий никакими положительными характеристиками или талантами становой получает неожиданно высокую оценку со стороны птицы, позавидовавшей его статусу:

*А горлица на то головкой покачала
И становому так, воркуя, отвечала:
«А я твоей завидую судьбе:
Мне голос дан, а стан тебе» [Там же].*

В басне «Звезда и брюхо» изображает превосходства чина и звания перед любым законом, в том числе и церковным:

*Тогда, – в день постный, в день скоромный, –
Сам будучи степенный генерал,
Ты можешь быть и с бодрым духом,
И с сытым брюхом? [4, с. 33].*

Героями телесных и образно сниженных сатир становятся крестьяне. В басне «Незабудки и запятки»: неприятная, но, по мнению Пруткова, практически полезная тема мозолей и способов их лечения поднимается на примере образа Пахомыча. Здесь же Александр Жолковский находит еще один обценный мотив, который называет примером «образцовой оксюморонности»: «Пук незабудок <...>: зловоние наложено на цветочный аромат». Герои – попадья и лакей – раскрывают еще одну «запретную» тему поэзии – непристойность завуалирована между строк в басне «Червяк и попадья». Крестьянская глупость и необразованность прорисовывается в басне «Садовник и помещик», герой которой, садовник, не знал значения слова «прозябать» и заморозил редкое растение.

Лишь дважды сатира была направлена К. Прутковым на дворянское сословие в баснях «Разница вкусов» и «Помещик и трава», но оба эти случая не только не противоречат крепостническому и бюрократическим взглядам Пруткова, но подкрепляют их, т. к. обращены против современных молодежных течений.

В басне «Разница вкусов» изображается семейный праздник, во время которого возникает спор о «вкусах». Важно отметить, что затевает его внук, который получает осуждение старшего поколения – деда, а в морали басни – автора, причем фраза повторяется практически дословно:

*Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!»*
<...>
*С ума ты сходишь от Берлина;
Мне ж больше нравится Медынь.
Тебе, дружок, и горький хрен – малина,
А мне и бланманже – полынь [4, с. 19].*

В нравственном выводе открыто выражается осуждение увлечения современной автору молодежи иностранной культурой и образом жизни.

В басне «Помещик и трава» действующее лицо – помещик – после возвращения домой принимается за хозяйственную деятельность, в которой демонстрирует свою полную некомпетентность. Поводом осмеяния становится хозяйственная неграмотность помещика, он не знал о том, что Тимофеева трава – это название кормового растения. Видим осуждение не только бесхозяйственности, но и неправильной системы отношений с крепостными.

Интересно отметить, что автор подчеркивает возвращение помещика со службы на родину, акцентирует его обращение к крестьянам («друзья») и подчеркивает «связь» между ними:

*На родину со службы воротясь,
Помещик молодой, любя во всем успехи,
Собрал своих крестьян: «Друзья, меж нами связь –
Залог утех» [Там же, с. 27].*

Такой прием ставит в центр произведения отношения помещика и крестьян, в поиске объекта сатиры обратимся к историческому комментарию. Басня написана в 1855 г, в этот период помещик мог вернуться с Крымской войны, которая уже подходила к концу. После войны возник кризис многих отраслей государства, особенно социального. В басне К. Пруткова отражено общее настроение, вызванное слухами о готовящемся Александром II государственным проекте: «Между тем с первых дней царствования смутные толки о желании нового Государя освободить крестьян от крепостной зависимости стали распространяться как в русском обществе, среди помещиков, так и между крестьянами, возбуждая в тех и в других волнение...» [6, с. 523]. Образ мыслей и поведение крепостника, вызывало множество споров, одним из типов реакций была попытка сглаживания отношений с крепостными, однако это не касалось внутренних социально-экономических проблем, самого хозяйственного устройства поместья, именно этот факт описывается в басне, становится объектом сатирического осмеяния.

Названия басен К. Пруtkова указывают на ориентацию на традиции жанра («Стан и голос», «Помещик и трава» и др.), однако это касается только внешнего оформления. В классических образцах название отражает заложенное в басне антонимическое сравнение главных действующих лиц, сопоставим с баснями А. Крылова: «Ворона и лисица», «Волк и ягненок», «Стрекоза и муравей»; в баснях Пруtkова заявленные в названия противоречия не всегда получают текстуальное подтверждение, создавая иллюзию конфликта. Так, например, в басне «Червяк и попадьа» взаимодействуют попадьа и лакей, а в «Незабудках и запятках» – одно действующее лицо Пахомыч.

В целом мы видим, что басни транслируют бюрократические представления о социально-экономических отношениях, поэтому вместо аллегорических героев, действующими лицами произведений становятся в основном дворяне и крестьяне, причем первые в большинстве случаев получают положительную оценку автора, а образы последних сопряжены с обценностью. Этот же объект пародирования отражается в части прямой коммуникации автора и читателя, где, непосредственно выражается авторская позиция – мораль или нравоучение. Изображение духовных пороков, чаще всего являющихся объектом сатиры в классических жанровых образцах, в баснях Пруtkова подменяется описанием быта, поэтому и в морали нравственная дидактика заменяется практическими советами. Язык басен, характерный для классических образцов, получает ряд специфических изменений, самым ярким из которых становится омонимия или каламбур, это связано с еще одной чертой образа К. Пруtkова, ставшей объектом пародии, – графоманством.

Итак, басни К. Пруtkова сохраняют такие основные жанровые черты, как сатиричность, небольшой объем, аллегоричность, наличие морали, автологический язык, а их искажения связаны с пародийностью образа литературной маски Козьмы Пруtkова – директора Пробирной Палатки, чиновника XIX века и по совместительству графомана.

Литература

1. Жолковский А.К. Пук незабудок // [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/2/z25-pr.html> (дата обращения: 07.05.2015).
2. Квятковский А. П. Басня // Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энцикл. 1966. С. 57–58.
3. Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни / автореферат диссертации М.: Российский университет дружбы народов. 2011.
4. Пруtkов К. Плоды раздумья. Избранное // Библиотека на все времена. М.: Комсомольская правда. 2006.
5. Потенба А.А. Теоретическая поэтика: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. Заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. М.: Издательский центр Академия. 2003. С. 70–80.
6. Русский биографический словарь. Том I : Аарон – Александр II. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова С-Петербург: Типография И.Н. Скороходова (Надеждинская, 43). 1896. С. 522–559.

Considering the issue of the poetics of the fable genre in the creative work by K. Prutkov

There is considered the poetics of the fable genre in the creative work by K. Prutkov. There are researched both the contents of the genre and the peculiarities of its form.

Key words: *genre form, fable, poetics, parody, satiric poetry.*